

Борьба с чертом: о неочевидной функции одного народного рассказа ойратов Синьцзяна

Д.А. НОСОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109724

Статья поступила в редакцию 21.07.2022.

Аннотация: В статье рассматривается опубликованный в 1990 г. в Урумчи на старо-монгольском письме народный рассказ «Sulum-i sitayaysan ni» («Сжег шулмуску»). Он вошел в сборник сатирических сказок об Аргачи — народном герое, напоминающем Ходжу Насредина. Из всех опубликованных произведений выбранный рассказ выделяет образ антагониста. Если обычно ойратский фольклорный хитрец противостоит богачу, аристократу или чиновнику, то в данном случае он обманывает мифологического персонажа — женщину-демона. Этот рассказ во многом повторяет халха-монгольскую быличку, русский пересказ которой В.А. Казакевич (1896–1937) включил в отчет о своем путешествии в 1925 г. в район р. Халхингол. Записанную в Халхе историю исследователь снабдил объемным комментарием, что позволило полностью реконструировать контекст и прагматическую функцию устойчивого нарратива. Выявлена традиционная стратегия обмана опасного для человека мифологического персонажа при нежелательном посещении им юрты. Стратегия выражена известным по всему миру сюжетным типом AT 1135 “Eye Remedy”.

Ключевые слова: ойраты, халха-монголы, Синьцзян, Монголия, фольклор, мифологические рассказы, сказочный сюжет AT 1135.

Благодарность: Автор выражает благодарность профессору, д.филос.н. Б.А. Бичееву и доктору филологии (Ph.D.), профессору Института этнических литератур АОН КНР Сэцэнбату, без которых эта работа не состоялась бы.

Для цитирования: Носов Д.А. Борьба с чертом: о неочевидной функции одного народного рассказа ойратов Синьцзяна // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 38–46. DOI: 10.55512/WMO109724.

Об авторе: НОСОВ Дмитрий Алексеевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (dnosov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7247-1184.

© Носов Д.А., 2022

нажем — Аргачи (старомонг. *Aryači*¹). Исследователь из Монголии Б. Катуу посчитал его вариантом популярного среди всех монголов *бадарчина* (монг. *бадарч*) — плутоватого странствующего монаха, попадающего в различные веселые переделки (Катуу 2002: 47). На существование в фольклоре ойратов образов плутов, подобных Тилю Уленшпигелю, указывал почти сто лет назад один из основоположников отечественного монголоведения — Б.Я. Владимирцов (1884–1931). В предисловии к сборнику произведений фольклора ойратов Северо-Западной Монголии ученый особо отметил небольшой рассказ № 12 Балл саң² (Владимирцов 1926: 85–90). Он предположил, что истории об этом герое были заимствованы монголами из фольклора тибетцев путем устной передачи (Там же: X), подчеркнув тем самым факт взаимодействия фольклорных традиций ойратов современного Ховд аймака Монголии с устным творчеством других народов.

Ойраты проживают и в КНР, в том числе в полиэтничном Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где тесно переплетаются буддийская и мусульманская культуры. Опираясь на наблюдение Б.Я. Владимирцова, можно предположить, что устное народное творчество соседей также оставило след в фольклоре ойратов этого региона. Далее, на примере корпуса текстов, объединенных общим главным героем — Аргачи, мы покажем, как сюжеты и образы острословов-хитрецов, популярные у различных народов мира, встраиваются в корпус устного народного творчества ойратов, выскажем предположение о влиянии исторических условий на формирование устойчивого образа персонажа и о той функции, что выполняют юмористические рассказы, помимо стремления развлечь слушателя.

Б. Катуу опубликовал 17 сказок, в которых главный герой носит имя Аргачи (Катуу 2002: 273–288). Среди исполнителей всех представленных текстов сатирических сказок, в том числе об Аргачи, исследователь называет четырех торгутов³ из этнической группы ховогсайр, двоих — из группы бээлийн, одного — из группы вангийн и одного — из рода хошууд (Там же: 288). Представители всех этих ветвей торгутов проживают на территории и Монголии, и Синьцзяна.

В 1990 г. в столице СУАР КНР — г. Урумчи на классическом монгольском (старомонгольском) письме был опубликован сборник под заглавием «Аргачи» (*Aryači* 1990). Знакомство с текстами обоих сборников показало, что 16 из 17 опубликованных Б. Катуу сказок об Аргачи имеют свои параллели в синьцзянском издании. При этом между текстами синьцзянского и улан-баторского издания минимум различий (Носов, Сэцэнбат 2020: 78–79). Поэтому публикацию 1990 г. можно считать наиболее репрезентативным сборником сказок об этом персонаже, что доступен отечественным исследователям на сегодняшний день.

Бытуя среди монгольского населения Синьцзяна, региона весьма полиэтничного, корпус сказок об Аргачи испытал влияние еще одного широко известного фольклорного плута — Ходжи Насреддина, или Афанди, как называют его уйгуры, проживающие в КНР (Харитонов 1978: 10).

Значительная часть историй об Аргачи (по крайней мере, из опубликованных в Урумчи в 1990 г.) имеет прямые сюжетные параллели в «Насреддиниане». Но от На-

¹ Здесь и далее транслитерация старомонгольского текста выполнена автором статьи.

² Переданное фонетической транскрипцией имя персонажа Белен (вар. Балан) Сенге (также известен в монгольском фольклоре как Далан Худалч). Это бродячий монах-хитрец, обманывавший жадных богачей и незадачливых путников (Кульганек 2000: 21).

³ Торгуты — монгольский народ ойратской группы, проживающий в Республике Калмыкия РФ, Ховд аймаке Монголии и СУАР КНР.

средина Афанди или *бадарчина* рассматриваемого персонажа выгодно отличает способность выйти победителем из любой ситуации. Он никогда не проигрывает спор или состязание в остроумии.

К сожалению, издание 1990 г. не имеет научного аппарата и не использует ни специализированный (Lörincz 1979), ни общемировые каталоги сказочных мотивов (Thompson 1955–1958) и сюжетов (АТ) (Thompson 1964). Оно ставит своей целью сохранить корпус рассказов об Аргачи для всех монголов (Агүаči 1990: I), проживающих в КНР. Вероятно, поэтому для передачи текстов было выбрано старомонгольское, а не более привычное ойратам «ясное» письмо (монг. *тодо бичиг*).

Составители сборника указали, что опубликованный ими материал был собран среди ойратов Синьцзяна (Агүаči 1990: I). Упомянутые в издании 1990 г. географические названия позволяют локализовать место действия того или иного рассказа на территории СУАР КНР. Социально-политическая терминология, встречающаяся в текстах, преимущественно относится к эпохе Цин (1644–1911). Тексты, подготовленные Б. Катуу, указывают на то, что повествования об Аргачи фиксировались и на западе Монголии.

Но не только бывшая Маньчжурская империя стала домом для этого героя народных рассказов. Персонаж по имени Аргачи, выполняющий те же функции трикстера, что и у ойратов, известен фольклору шорцев — тюркской народности, проживающей в Российской Федерации на юго-востоке Западной Сибири (Чудояков 2002: 99–103). Он упомянут в одной сказке, которая относится к широко распространенному в мире сюжетному типу АТ1535 The Rich and the Poor Peasant (Thompson 1964: 440–441).

Аргачи присутствует и в фольклоре алтайцев, проживающих на территории Республики Алтай РФ. Бытовую сказку под названием «Аргачы ла Мекечи / Аргачи и Мекечи» на все тот же сюжет АТ1535 опубликовала Т.М. Садалова (Садалова 2002: 364–377). Исследователь отмечает существование нескольких ее вариантов (Там же: 428–430). В алтайском рассказе Аргачи выступает в качестве антагониста.

В отличие от монголов Синьцзяна, у которых насчитывается минимум 61 история про Аргачи, у шорцев и алтайцев их значительно меньше. Этому можно дать историко-географическое объяснение. Территории компактного проживания шорцев, алтайцев, как и территория СУАР КНР, в XVII–XVIII вв. входили в состав Джунгарского ханства, основу которого составляли ойраты. Поскольку именно у ойратов сказки об Аргачи получили широкое распространение, то мы формулируем рабочую гипотезу о генезисе образа фольклорного персонажа — Аргачи в XVII–XVIII вв. среди народов, подданных Джунгарского ханства.

Аргачи воспринимается ойратами как адвокат или судья, помогающий простолюдинам противостоять несправедливым поступкам аристократов. Этот конфликт ярко выделен в художественной ткани повествования, например, в зачине сказки «Dayardaq ügei debel» («Незамерзающая дэли⁴») (Агүаči 1990: 8–9):

Стал Аргачи обличать и высмеивать отвратительные поступки богачей и знати. За это богачи и знать люто возненавидели его. И вот однажды некий жестокий богач схватил Аргачи, заточил его в промозглом холодном доме и сказал: «Посмотрим, как ты умрешь к завтрашнему утру», — так говорят (Агүаči 1990: 8).

⁴ *Дэли* (монг. *дээл*) — традиционная одежда монгольских народов. Все переводы на русский язык выполнены автором статьи.

Есть и прямые указания на исполнение Аргачи обязанностей судьи. Основа рассказа «*Činu-a qonı idekü ügei*» («Волк не ест овец») (Агъаči 1990: 59–60) — выборы *тушимела* (чиновника) по разбирательству тяжб, которые рассматриваемый нами персонаж выигрывает благодаря своей житейской мудрости.

Эта особенность позволила выдвинуть предположение относительно исторической основы образа Аргачи. Обычно чиновники Джунгарского ханства (часто именовавшиеся в материалах русских путешественников «зайсанами»⁵) назначались ханами из числа родовой знати или потомственного чиновничества. Но в определенный момент их стали привлекать из людей «низкого» происхождения. Такую же практику русские официальные лица и путешественники зафиксировали у калмыков. По свидетельству государственного деятеля и этнографа Василия Михайловича Бакунина (1700–1766), хан Дондук-Омбо (1737–1741) практиковал назначение *зайсанами* «рядовых калмык», что «природные заясанги почитали себе за крайнюю обиду» (Почекаев 2021: 53). Наличие возможного исторического прототипа служит еще одним подтверждением высказанной нами выше рабочей гипотезы о генезисе образа Аргачи в XVII–XVIII вв. в социо-культурном пространстве Джунгарского ханства.

В большинстве рассказов, опубликованных в 1990 г. в Урумчи, Аргачи как народный адвокат или судья противостоит несправедливости представителей высших классов и награждается верховным правителем за искусство вести тяжбу. Но в сборник включена одна история, в которой антагонистом является мифологический персонаж — женщина-демон (Агъаči 1990: 86–87). Позволим себе привести целиком транслитерацию старо-монгольского текста этого рассказа и перевод его на русский язык:

Sulum-i sitayaysan ni	Сжег шулмуску ⁶
<p>Qarɣayitu-yin dabayan-tu šulum arbin bayday geǰü kümüs süni-ber eneger yabudaq ügei bayıǰu gen-e:</p> <p>Nutuq-tu tusa kijü yabidaq Aryači qayisun tuly-a qoɣola künesü-ben abuyad yabuysayar dabayan-u unggı-tu kürčü qonoǰai:</p> <p>Aryači ɣal tüleged čai bučalɣaju . nige ayay-a tosun bolon nige ayay-a usu-yi qajaju-dayan talbiyad usun-ača toloyai-dayan türkiǰü ɣal-tu ekegeǰü sayutal-a nige šulum keüken kürčü ireged:</p> <p>— Ner-e tani ken bui? geǰi asayuba gen-e : Aryači toɣomsarul-ügei-ber:</p> <p>— Minü ner-e über-iyen geǰü keleged ayayan-daki usun-ača toloyai-dayan türki-ged sayuyad bayıǰu gen-e : Šulum keüken üjeged:</p>	<p>Люди по ночам не ходили на перевал Харгайт, считая, что там много чертей.</p> <p>Оказывавший помощь народу Аргачи, взяв с собой котел, треножник и еду, заночевал в пещере на [этом] перевале.</p> <p>Аргачи разжег огонь, вскипятил чай, а рядом с собой поставил чашку масла и чашку воды. Смазывая свою голову водой из чашки, он стал сушить ее над огнем. В этот момент [в пещеру] вошла девушка-шулмус и спросила:</p> <p>— Как Ваше имя?</p> <p>— Мое имя [Я] Сам, — невозмутимо ответил Аргачи, продолжая мочить свою голову водой из чашки, так говорят.</p> <p>Глядя на это, девушка-шулмус спросила:</p>

⁵ *Зайсан* — калмыцкая форма монгольского наследственного звания *цзайсан* (Бруннерт, Ггельстром 1910: 373).

⁶ *Шулмус* (монг. *шулам*) — демон, ведьма.

<p>— Та уауу kijū bayin-a? — gejū asayū-qu-du Arγači:</p> <p>— Bi kijige-ben qaralayulju bayin-a ge-jei: Šulum Arγači-yin qajayū-du oyirtoju:</p> <p>— Bi basa toloyai-ban qaralayulju abuy-a ged ayay-a-tai tosun-ača šaltaju (sabšiju) türkiged yal-tu egegegsen-tü šardi getel-e toloyai ni šidaqul-a šulum em-e čiskid bar-kirayad güyügseger bayiju sidayad üküju gen-e:</p> <p>Tegün-eče ekileged Qaryayitu-yin daba-yan-tu šulum ügei boluγsan gen-e:</p>	<p>— А что вы делаете?</p> <p>— Я черню свои волосы, — ответил Ар-гачи.</p> <p><i>Шулмус</i> приблизилась к нему и заявила:</p> <p>— Я тоже почерню свою голову.</p> <p>Она нанесла себе на шевелюру густой слой масла из чашки и склонилась над огнем. Тут же ее голова загорелась, де-вушка-<i>шулмус</i> завизжала, стала бегать ту-да-сюда и умерла, догорев, так говорят.</p> <p>С тех пор, говорят, с перевала Харгайт черти и исчезли.</p>
--	---

Ответ Аргачи на вопрос антагониста о своем имени: Minü ner-e über-iyen / Мое имя [Я] Сам (Arγači 1990: 86) позволяет рассматривать данный рассказ как вариант сюжета, широко представленного в фольклоре народов мира, — AT1135 “Eye Remedy”, и его версию — AT1136. Более подробно описание приведено для сюжетов СУС1136 «Я сам» и СУС1135 «Ослепление: Человек, назвавшись именем „Я сам“, калечит черта; на вопрос [своего повелителя] об обидчике черт отвечает: „[Это сделал] Я сам“» (СУС: 266).

Аналогичный рассказ, в котором главный герой хитростью сжигает антагониста, но без сюжетного ядра AT1135, был найден среди архивных материалов советских исследователей Монголии и опубликован В.Н. Ключевой, работавшей с 1944 по 1950 г. заведующей кафедрой русского языка Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор) (Поршнев, Шмаков 1959: 15–16). Он повествует о победе девушки над монгольским мифологическим персонажем — «снежным человеком» *хун-хара*. Нам удалось установить, что оригинал, значительно переработанный В.Н. Ключевой, был записан В.А. Казакевичем (1896–1937) предположительно между 20 и 23 июня 1925 г. на территории современных Матад или Халх-гол сомонов Дорнод аймака и включен в подготовленный исследователем отчет «о поездке на Хэрулюн-гол и Хал-хыйн-гол летом 1925 года» (АВ ИВР РАН. Ф. 63. Оп. 1. Ед. хр. 1):

Когда-то в этих краях жили-были молодые муж и жена. Муж добывал средства к пропитанию охотой, а жена постоянно оставалась дома в одиночестве. Однажды, работая возле дома, она вдруг увидела приближающегося «хун-хара». Вспомнив все рассказы о нем и сознавая невозможность спастись бегством, женщина вбежала в юрту и поспешно стала готовиться к встрече страшного гостя. На левой (мужской) стороне юрты поставила она чашу с маслом, а на правой, где сама сидела, чашу с водой. «Хун-хара», не зная, как открыть дверь, выломал ее и, войдя, сел по левой стороне, против женщины, приветливо ей ухмыляясь. Она предложила ему чашку чая, которую он с удовольствием выпил. Через некоторое время умная женщина помешала руки в воде и стала ими приглаживать свои волосы. «Хун-хара», обладая обезьяньим нравом подражания, обмакнул лапы в чашу с маслом, стоявшую возле него, и начал намазывать свою гриву. Проделав эту историю несколько раз, хозяйка взяла палочку и, сунув ее в огонь, поднесла зажженной к своим волосам. «Хун-хара» тоже зажег лучину, запалил свою шкуру, отчего и сгорел (АВ ИВР РАН. Ф. 63. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 28 об. — 29).

Переданный В.А. Казакевичем мифологический рассказ зеркально (изменены гендерные маркеры антагониста и главного героя, а также место действия «перенесено» из пещеры в юрту) повторяет историю «Šulum-i šitayaŋsan ni» (Аргачи 1990: 86–87). Но исследователь приводит его не просто как памятник фольклора, а как пример взаимодействия реального человека с мифологическим персонажем, предваряя рассказ следующим описанием *хун-хара*:

Между прочим, с особым удовольствием говорят о легендарном звере «хун-хара», причем рассказчики умудряются оставить слушателя в недоумении, стоит или нет верить в реальность этих сказок. «Хун-хара» якобы громадного роста, нечто среднее между человеком и медведем. Волосы у него длинные и спускаются прямо на глаза. Поэтому он имеет привычку всегда ходить против ветра, откидывающего волосы с его лица, а при попутном ветре он ничего не видит. Главную пищу его составляют сурки⁷. Пользуясь своей громадной силой, «хун-хара» засовывает лапу в тарбаганью нору и выворачивает громадные глыбы земли, после чего хватает добычу. Убив сурка, он кладет его под мышку и идет дальше. Поймав нового сурка, он кладет его снова под мышку, не замечая, как первый оттуда падает, и так охотится целый день. К вечеру, оставшись с одним лишь сурком, «хун-хара» приходит в ярость, ломает деревья и ревет, но быстро успокаивается. Если человек встретится с ним, то всякое бегство бесполезно, все равно догонит и убьет со злости, лучше смирно стоять. Тогда добродушный зверь возьмет человека под руку и будет с ним ходить. В таком случае стоит [только] сунуть ему в лапы другой рукой какую-нибудь вещь, как он забудет про человеческую руку и положит на ее место поданный предмет, не замечая, что выпустил пленника, который пользуется случаем и убегает (АВ ИВР РАН. Ф. 63. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 28).

Рассказ о том, как девушка обхитрила *хун-хара*, включен В.А. Казакевичем в текст экспедиционного отчета и не маркирован как отдельное фольклорное произведение. Поскольку данные о месте и времени записи текста, а также об информанте отсутствуют, мы реконструировали их, основываясь на приведенных в источнике сведениях.

Включение этого нарратива непосредственно в ткань повествования отчета, составленного на русском языке, может указывать на характер исполнения оригинального монгольского текста и его жанровую принадлежность. Это мифологический рассказ, фольклорный речевой акт⁸ исполнения которого не носил развлекательный характер. Его цели — продемонстрировать слушателю, в данном случае исследователю-иностранцу, традиционную стратегию взаимодействия с опасным, но не очень умным мифологическим персонажем. Об этом также свидетельствует замечание В.А. Казакевича о невозможности охарактеризовать рассказы о *хун-хара* по признаку достоверности/недостоверности.

Повествования об Аргачи классифицированы составителями издания 1990 г. как «сатирические сказки» (Аргачи 1990: I). С точки зрения классификации калмыцкого фольклора, предложенной В.Т. Саранговым (1950–2021), они соответствуют всем четырем признакам бытовых сказок (Сарангов 2010: 94–97). Это является опосредованным указанием на развлекательную функцию данных фольклорных текстов, подготовленных для читателя конца XX в.

В том же коротком вводном тексте, предваряющем опубликованный в Урумчи сборник, составители указывают, что Аргачи «восхваляет торжество истинных тра-

⁷ Речь идет о млекопитающих рода сурков вида *Marmota sibirica*, более известных в Монголии и Забайкалье как тарбаган (монг. *тарвага(н)*).

⁸ Более подробно о понятии «фольклорный речевой акт» см. (Адоньева 2018).

диций правильного поведения» (Агуаџи 1990: I). Это маркирует еще одну функцию данного корпуса произведений устного народного творчества — прикладную. Мы полагаем, что на примерах историй об Аргачи транслировались стратегии поведения при осуществлении судебной тяжбы. Следовательно, этот корпус также включает в себя «инструкции» по взаимодействию с мифологическими персонажами, позволяющие выйти невредимым в случае нежелательной встречи с ними. Интересно, что рассмотренный в статье способ избавиться от незваного «потустороннего» гостя зафиксирован на разных оконечностях ареала проживания монгольских народов — от Синьцзяна на западе до границы Халхи и Барги на востоке.

Сокращения

СУАР КНР — Синьцзянь-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики

СУС — Сравнительный указатель сюжетов

АТ — Aarne-Thompson (Thompson 1964)

Литература

- Адоньева 2018 — *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. 2-е изд. СПб.: Пальмира, 2018.
- Бруннерт, Гегельстром 1910 — Современная политическая организация Китая / И.С. Бруннерт и В.В. Гегельстром. Под ред. и при участии первого драгомана Российской императорской миссии в Пекине Н.Ф. Колесова. Пекин: Типография Успенского монастыря при Русской духовной миссии, 1910.
- Владимирцов 1926 — *Владимирцов Б.Я.* Образцы монгольской народной словесности (С.—З. Монголия). Л.: Издание Института живых восточных языков имени А.С. Енукидзе, 1926.
- Катуу 2002 — Торгууд ардын аман зохиол. Эмхтгэн боловсруулж, эрдэм шинжилгээний удиртгал бичиж, тайлбар зүүлт үйлдсэн Доктор, профессор [Устное народное творчество торгутов. Составление, научное введение и комментарии доктора, профессора] Б. Катуу. Улаанбаатар, 2002.
- Кульганек 2000 — *Кульганек И.В.* Каталог монголоязычных фольклорных материалов Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
- Носов, Эцэнбат 2020 — *Носов Д.А., Эцэнбат.* Сказки о Мастере Аргачи на просторах Центральной Азии // *Mongolica*. 2020. Т. XXIII. № 2. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 76–81. DOI: 10.25882/9bfw-fd84.
- Поршнев, Шмаков 1959 — Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / Под ред. Б.Ф. Поршнева и А.А. Шмакова. М., 1959.
- Почекаев 2021 — *Почекаев Р.Ю.* Судебный процесс в Джунгарском ханстве с участием иностранцев (по запискам И.С. Унковского) // *Mongolica*. 2021. Т. XXIV. № 1. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 51–57. DOI: 10.25882/yed8-k615.
- Садалова 2002 — Алтайские народные сказки / Сост., пер. Т.М. Садаловой, переводы диалектных текстов К.М. Макошевой; вступит. ст. Т.М. Садаловой. Новосибирск: Наука, 2002 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Сарангов 2010 — *Сарангов В.Т.* Фольклор калмыцкого народа: учебное пособие. Элиста: Изд-во КГУ, 2010.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост.: Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979.
- Харитонов 1978 — Двадцать три Насредина / Составление, вступит. ст., примеч. и указатели М.С. Харитоновой. М.: Наука, ГРВЛ, 1978.
- Чудояков 2002 — Шорские сказки, легенды / Сост. А.И. Чудояков. Кемерово: ООО Редакционно-издательская фирма «Весть», 2002.

- Aryachi 1990 — Aryachi. Arad-un aman jokiya (Аргачи. [Произведения] устного народного творчества). Urumchi: Šinjiyang-un arad-un keblel-ün qoryi-a, 1990.
- Lörincz 1979 — Lörincz L. Mongolische Märchentypen. Budapest, 1979 (in German).
- Thompson 1955–1958 — Thompson S. Motif Index of Folk Literature. Vol. 1–6. Copenhagen; Bloomington, 1955–1958.
- Thompson 1964 — Thompson S. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Helsinki, 1964.

References

- Adoneva, Svetlana B. *Pragmatika fol'klora. 2-e izd.* [The Pragmatics of Folklore. 2nd ed.] St. Petersburg: Palmira, 2018 (in Russian).
- Altaijskie narodnye skazki. Sost., perevod: T.M. Sadalovoi, Perevody dialektnykh tekstov K.M. Makoshevoi; vstupit. st. T.M. Sadalovoi [Altai Folk Tales. Compiled, Translated and Prefaced by T.M. Sadalova. Translation from Different Dialects by K.M. Makosheva]. Novosibirsk: Nauka, 2002 (Folklore Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East, Series) (in Russian).
- Aryachi. Arad-un aman jokiya [Argachi. Pieces of Folklore]. Urumchi: Šinjiyang-un arad-un keblel-ün qoryi-a, 1990 (in Old Mongolian).
- Dvadsat' tri Nasreddina. Sostavlenie, vstupitel'naia statii, primechanii i ukazateli M.S. Haritonova [Twenty Three Nasr-ad-dins. Compiled, Commented and Prefaced by M.S. Haritonov]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1978 (in Russian).
- Informatsionnye materialy komissii po izucheniiu voprosa o "snezhnom cheloveke" [Information Materials of the Commission for the Study of the Issue of "Bigfoot"]. Vol. 3. Ed. by B.F. Porshnev & A.A. Shmakov. Moscow, 1959 (in Russian).
- Kulganek, Irina V. *Katalog mongoloiazychnykh folklornykh materialov Arkhiva vostokovedov pri SPbF IV RAN* [A Catalog of Folklore Materials in Mongolian Languages of the Archive of Orientalists at the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies, RAS]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000 (in Russian).
- Lörincz, Laszlo. *Mongolische Märchentypen.* Budapest, 1979 (in Hungarian) (in German).
- Nosov, Dmitrii A. & Cecenbat. "Skazki o Mastere-Argachi na prostorakh Tsentral'noi Azii" [Tales about Argachi in Central Asia]. *Mongolica*, 2020, vol. XXIII, no. 2. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 76–81 (in Russian). DOI: 10.25882/9bfw-fd84.
- Pochekaev, Roman Ju. "Sudebnyi protsess v Dzhungarskom khanstve s uchastiem inostrantsev (po zapiskam I.S. Unkovskogo)" [Judicial Proceeding in the Zunghar Khanate with the Participation of Foreigners (Based on the Notes of I.S. Unkovski)]. *Mongolica*, 2021, vol. XXIV, no. 1. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 51–57 (in Russian). DOI: 10.25882/yed8-k615.
- Sarangov, Vladimir T. *Fol'klor kalmytskogo naroda: uchebnoe posobie* [Folklore of the Kalmyk People: A Tutorial]. Elista: KGU Publ., 2010 (in Russian).
- Shorskie Skazki, Legendy. Sostavitel' A.I. Chudoyakov [Folktales and Legends of the Shors. Compiled by A.I. Chudoyakov]. Kemerovo: Redaktsionno-izdatelskaia firma "Vest" LLC, 2002 (in Russian).
- Sovremennaia politicheskaiia organizatsiia Kitaia. I.S. Brunnert i V.V. Gagelstrom. Pod red. i pri uchastii pervogo dragomana Rossiiskoi imperatorskoi missii v Pekine N.F. Kolesova [Modern Political Organization of China. By I.S. Brunnert and V.V. Gagelstrom. Ed. and with the Participation of the First Dragoman (Interpreter) of the Russian Imperial Mission to Beijing N.F. Kolesov]. Beijing: Printing House of the Uspenskii Monastery at the Russian Ecclesiastical Mission, 1910 (in Russian).
- Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov: Vostochnoslavianskaia skazka. Sost.: L.G. Barag, I.P. Berezovskij, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov [A Comparative Index of Folktale Types: The East Slavic Fairy Tale]. Compiled by L.G. Barag, I.P. Berezovski, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov. Leningrad: Nauka, 1979 (in Russian).

- Thompson, Stith. *Motif Index of Folk Literature*. Vol. 1–6. Copenhagen–Bloomington, 1955–1958 (in English).
- Thompson, Stith. *The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography*. Helsinki, 1964 (in English).
- Torguud ardyn aman zohiol. Emhtgen bolovsruulzh, erdem shinzhilgeenij udirtgal bichizh, tajlbar züült üjldsен Доктор, профессор Б. Катуу* [Folklore of the Thorguts. Edited, Commented and Prefaced by Dr., Prof. B. Khatuu]. Ulaanbaatar 2002 (in Mongolian).
- Vladimirtsov, Boris Ya. *Obraztsy mongol'skoi narodnoi slovesnosti (S.-Z. Mongoliya)* [Samples of Mongolian Folk Literature (N.-W. Mongolia)]. Leningrad: Published by the Institute of Living Oriental Languages named after A.S. Enukidze, 1926 (in Russian, in Mongolian).

Fighting the Devil: On the Non-Obvious Function of One Folk Story of the Oirats of Xinjiang

Dmitrii A. NOSOV

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 21.07.2022.

Abstract: The article deals with the folk story “Šulum-i šitayaysan ni” (How Argachi managed to burn the devil-girl) published in 1990 in Urumqi in the Old Mongolian script. The story was incorporated into the collection of satirical tales about Argachi, an Oirat folk hero reminiscent of Khoja Nasreddin. Of all the published tales, the story in question highlights the image of the antagonist. While usually an Oirat folklore trickster opposes a rich man, an aristocrat or an official, in this case he deceives a mythological character—a female demon. This narrative largely repeats the Khalkha-Mongol mythological tale included by Vladimir A. Kazakevich (1896–1937) in the report on his trip in 1925 to the region of the Khalkh-gol river. The researcher provided the narrative recorded in Khalkha with a voluminous commentary, which made it possible to completely reconstruct the context and pragmatic function of a stable narrative. The traditional strategy used to deceive a mythological character dangerous for a person, in case of an undesirable visit to the yurt, is revealed. The strategy is expressed by the world-famous folktale-type AT 1135 “Eye Remedy”.

Key words: Oirats, Khalkha Mongols, Xinjiang, Mongolia, folklore, mythological narratives, fairy-tale type AT 1135.

Acknowledgements: The author is grateful to Prof., Dr. Sci. (Philosophy), Baazr A. Bicheev and Doctor of Philology (Ph.D.), Professor of the Institute of Ethnic Literature of the National Academy of Sciences of the People’s Republic of China Siqinbatu, without whom this work would not have taken place.

For citation: Nosov, Dmitrii A. “Fighting the Devil: On the Non-Obvious Function of One Folk Story of the Oirats of Xinjiang”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 38–46 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109724.

About the author: Dmitrii A. NOSOV, Cand. Sci. (Philology), Researcher of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (dnosov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7247-1184.